

ЕЩЕ РАЗ О «ДЕКЛАРАЦИИ» И О «СОЛИДАРНОСТИ» СОЛОВЧАН

В «Вестнике» № 152 помещена несомненно интересная во многих отношениях статья Н. А. Струве «Соловецкие епископы и декларация митр. Сергия 1927 г.». Мне глубоко созвучно стремление уважаемого редактора «Вестника» защитить историческую истину от тенденциозных, обусловленных партийными интересами искажений и упрощений, от подмены правды во всей ее неоднозначности некой лубочной картинкой. Впрочем, надо признаться, что такой "лубочный уклон" находит солидную опору в нашей православной традиции и соответствует догматическому складу сознания, который, увы, и поныне поощряется в нашей церкви. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить реальную историю церкви времен, скажем, Вселенских соборов — со всей ее сложностью, а порой и неприглядностью — и расхожие представления о ней, насаждаемые в церковных проповедях. Послание Архиерейского Синода зарубежной Церкви в этом смысле просто следует в традиционном русле. Бережность в обращении с исторической истиной не может почитаться особой добродетелью, когда роль исторических изысканий сводится к обслуживанию заранее данной установки — идеологической, догматической, канонической... Когда нужно, например, непременно подтвердить и обосновать превосходство своей "юрисдикции".

Использование мученической судьбы исповедников XX века идеологами конкурирующих "юрисдикций" вне России мне представляется ничуть не более достойным, чем поведение московских церковных властей с их пресловутым *замалчиванием*. Всюду, где может продолжаться идеологическая подгонка истории, где не осмыслено значение исторической и интеллектуальной честности, — уроки тоталитаризма еще не усвоены. Это, конечно, тема для особого и весьма серьезного

разговора, который далеко выходит за рамки небольшой заметки; обратимся поэтому к затронутым в статье Н. Струве событиям 1926–28 гг., поистине судьбоносным для нашей Русской Церкви.

К сожалению, сразу приходится заметить, что у г. Струве в описании их очень, очень многое *исторически неточно*. Наиболее существенная фактическая ошибка — это утверждение автора, будто после декларации митр. Сергия "нового коллективного обращения соловецкие епископы не составили". Составили на самом деле — и довольно скоро: в день Преображения Господня была опубликована в «Известиях» *Декларация*, а на Крестовоздвижение, то есть через месяц с небольшим, соловецкие епископы приняли коллективное письмо, текст которого (как и майского *Обращения* 1926 года¹) был, судя по всему, составлен профессором И. В. Поповым. Текст этот сохранился и (возможно, с некоторыми сокращениями) включен во II том магистерской диссертации игумена (ныне — архиепископа Куйбышевского) Иоанна Снычёва «Оппозиции митрополиту Сергию» (машинопись, Куйбышев, 1962).² Выдержки из того же письма приведены и в книге Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви» (с. 436). Итак, воспроизводим по диссертации игум. Иоанна текст этого ценнейшего документа:

1. Мы одобряем самый факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении Советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления.

Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к ней Правительства; по-

¹ Едва ли есть достаточные основания утверждать, что *автором* этого обращения был еп. Иларион, а И. В. Попова называть его *соавтором*. Сведения, приведенные в I томе книги о. М. Польского (глава «Соловецкие узники и их исповедание»), дают иную картину, основанную на достаточно достоверных свидетельствах "из первых рук".

² Н. А. Струве, судя по всему, пользовался более поздней редакцией этой работы, в которой текст данного письма приведен в сильно сокращенном виде, но все же приведен.

этому повторение таких заверений нам представляется целесообразным.

2. Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) Мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям, касающимся гражданского благоустройства государства.

б) Мы полагаем, что тем более они не должны принимать никакого ни прямого, ни косвенного, ни тайного, ни явного участия в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержение существующего порядка и формы правления.

в) Мы считаем совершенно недопустимым обращение Церкви к иноземным правительствам с целью подвигнуть их к вооруженному вмешательству во внутренние дела Союза для политического переворота в нашей стране.

г) Вполне искренно принимая закон, устраняющий служителей культа от политической деятельности, мы полагаем, что священнослужитель, как в своей открытой церковно-общественной деятельности, так и в интимной области пастырского воздействия на совесть верующих, не должен ни одобрять, ни порицать действий Правительства.

3. Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом, по следующим соображениям:

а) в абзаце 7-м мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства. Церковь не может взять на себя перед Государством, какова бы ни была в нем форма правления, обязательства считать "все радости и успехи Государства своими успехами, а все его неудачи своими неудачами", так как всякое правительство может принимать решения безрас- судные, несправедливые или жестокие, которым Церковь бывает вынуждена подчиниться, но не может им радоваться или одобрять их.

В программу же настоящего правительства входит искоренение религии, и для осуществления этой

задачи им издан ряд законов. Успехи государства в этом направлении Церковь не может признать своим успехом.

- б) Послание приносит Правительству "всемирную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения". Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви и возбуждает справедливое негодование в душе верующих людей, ибо до сих пор отношение Правительства к духовным нуждам православного населения выражалось лишь во всевозможных стеснениях религиозного духа и его проявлений: в осквернении и разрушении храмов, в закрытии монастырей, в отобрании святых мощей, в запрещении преподавания детям Закона Божия, в ограничении прав служителей Церкви, и как мало Правительство проявило внимания к религиозным потребностям населения в настоящее время в самом обещании легализовать церковные учреждения, лучше всего показывает оскорбительная для чувства верующих статья официального правительственного органа Известий Ц.И.К., предваряющая текст послания митрополита Сергия.
- в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и Государством возлагает на Церковь, на контрреволюционное настроение клира, проявляющееся в словах и делах, хотя в последнее время не было ни одного судебного процесса, на котором публично и гласно были бы доказаны политические преступления служителей Церкви, а многочисленные епископы и священники лишь в административном порядке томятся в тюрьмах, ссылке и на принудительных работах за свою чисто церковную деятельность (борьбу с обновленчеством) или по причинам, часто неизвестным самим пострадавшим. Настоящей же причиной борьбы, тягостной для Церкви и для самого государства, служит задача искоренения религии, которую ставит для себя настоящее правительство. Именно это принципиальное отрицательное отношение правительства к религии заставляет государство с подозрением смотреть на

Церковь и независимо от ее политических выступлений, а Церкви не позволяет принять законов, направленных к ее разрушению.

- г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, то есть налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917-18 гг. от 3/16 августа 1918 года, разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические выступления в прошедшем (Арсений Мацеевич, свящ. Григорий Петров).
4. Наконец, мы находим послание Патриаршего Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным. Закон об отделении Церкви от Государства двусторонен: устраняя Церковь от вмешательства в политическую жизнь страны, он гарантирует ей невмешательство Правительства в ее внутреннюю жизнь и в религиозную деятельность ее учреждений. Между тем, закон этот постоянно нарушается органами политического наблюдения. Высшая церковная власть, ручаясь за лояльность Церкви в отношении к Государству, открыто должна будет заявить Правительству, что Церковь не может мириться с вмешательством в область чисто церковных отношений государства, враждебного религии.

СОЛОВКИ

1927 г. 14/27 сентября

Одобривших письмо епископов было по одним сведениям 26 (см. письмо еп. Виктора Островидова еп. Авраамиию Дернову от 15 января 1928 г.), по другим же — 17 или 20 (Иоанн Снычѳв, видимо, со слов митр. Мануила Лемешевского).

Как видим, утверждение о "солидарности с митр. Сергием" соловецких исповедников, которым Н. Струве

заканчивает свою статью, представляется теперь весьма сомнительным; слова же из Послания Архиерейского Синода о том, что "декларация эта (митр. Сергия. — Н. Б.) не была принята в свое время... большинством иерархов-исповедников", оказываются как раз более соответствующими исторической правде. Другое дело, что большинство соловецких епископов действительно не считали *Декларацию* основанием для немедленного разрыва отношений с митр. Сергием и его Синодом.

Сохранились также некоторые дополнительные свидетельства о тогдашних настроениях соловецкого епископата. Митр. Кирилл Смирнов писал неизвестному адресату, что "соловчане" хотят ждать покаяния митр. Сергия "до созыва канонического Собора... в уверенности, что Собор не может его не потребовать", а до тех пор не разрывать общения. Еп. Нектарий Трезвинский в письме от 25 апреля 1928 г. характеризовал "мнение соловецкого епископата относительно митр. Сергия" как "протест без отклонения или отмежевания от него, митр. Сергия". Кстати, сам еп. Нектарий, который, насколько известно, был в числе принимавших соловецкое *Обращение* 1926 года, в марте 1928 г. "решил определенно и бесповоротно отделиться от митр. Сергия", так что сведения П. Струве о том, что из соловецких епископов лишь Василий Зеленцов порвал с митр. Сергием, неточны.³ Н. Струве вообще сильно преуменьшает численность оппозиции. Иерархов, не входивших в группу митр. Иосифа, но тоже отошедших от общения с митр. Сергием, было никак не "десяток", а более двадцати — даже по спискам Иоанна Снычева / Мануила Лемешевского, которых трудно заподозрить в чрезмерной симпатии к оппозиционерам. Среди них были и такие видные, как митрополиты Кирилл Смирнов и Агафангел Преображенский, архиепископы Феодор Поздеевский и Андрей Ухтомский, епископы Афанасий Сахаров и Дамаскин

³ Неточен, по-видимому, и позаимствованный из диссертации игум. Иоанна список "епископов, стоявших на страже церковного единства". Вряд ли можно утверждать, что архиеп. Петр Зверев был после 1927 г. сторонником митр. Сергия — скорее наоборот (см. письмо архиеп. Петра и комментарий прот. Андриевского во II т. *Польского*, с. 67).

Цедрик, Арсений Жадановский и Серафим Звездинский. Церковная группа во главе с еп. Виктором Островидовым также возникла независимо от "иосифлянского" движения, хотя и объединилась с ним впоследствии. Открытое письмо еп. Виктора митр. Сергию во множестве списков распространялось в стране — наряду со многими другими аналогичными по содержанию письмами и воззваниями (авторство некоторых из них доньше не установлено). Известно также, что по крайней мере в некоторых епархиях почти 90% приходов по получении текста Декларации сочли за благо отослать его обратно автору в знак несогласия и отмежевания.

Какова же была реакция соловецких епископов на возникновение этих расколов в связи с Декларацией? Большинство из них в то время действительно было против разделения, против нового зла разрушения церковного единства. Об этом свидетельствуют воспоминания архиеп. Мануила Лемшевского, а также донесение прот. Иоанна Шастова (а не Шестова!) митр. Сергию от 16 февраля 1928 г. Впрочем, те же материалы говорят о разногласиях между епископами по этому поводу и об особой роли архиепископа Илариона Троицкого в противодействии возникшим "колебаниям". Позиция владыки Илариона ярко выражена в письмах 1928 года, опубликованных Н. А. Струве. Однако в этой публикации, к сожалению, также допущен ряд неточностей.

1) *Июлем*, а именно 21 числом, датировано лишь первое из приведенных писем, второе же написано 12 августа.

2) Слова публикатора: "...Приводим два документа, никогда еще не печатавшиеся целиком", — наводит на мысль, будто в "Вестнике" № 152 они помещены полностью, что не соответствует действительности. Напечатаны выдержки из этих писем — в том виде, в каком они включены в диссертацию игум. Иоанна Снычева. При этом в тексте выдержек допущены следующие ошибки:

3) В первом письме напечатано: "Ну, а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1921 по 1927 г." Следует читать: "...хотя бы то Синода с 1721 по 1917 г."

4) Там же вместо "гаудеюс" надо читать "гауденс" (teřtius gaudens — третий радующийся).

5) Во втором письме напечатано: "Лучше дома жить, это зависит". Читай: "Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит".

Кроме того, стоит привести и другую не менее интересную выдержку из того же письма от 12 августа 1928 г., помещенную в III томе диссертации игум. Иоанна Снычева:

"Я уже писал Вам, какой народ несдержанный пошел. Много я ругаюсь с таким народом. Который Глазовский (Виктор Островидов, еп. Глазовский. — Н. Б.), ну это прямо искушение одно. Говорить с ним не приведи Бог. У него все будет навыворот, и все говорит, что все родные за него и ничто слушать не хочет. Про него писали много. Ну совсем человек сбился и себя одного за правого считает".

Можно еще добавить, что по сведениям Отзыва митр. Кирилла митр. Сергию от 12 ноября 1929 года, последний "благословил рассылать... в назидание другим" засвидетельствованные Синодом копии письма архиеп. Илариона Троицкого. О содержании письма митр. Кирилл говорит, что "основная аргументация автора покоится на мысли, что Синод Ваш (митр. Сергия — Н. Б.) и Святейший Правительствующий Синод, учрежденный в 1721 году, — явления одного и того же порядка и достоинства".

Теперь мне хотелось бы вновь обратиться к полемическим утверждениям Н. Струве.

Я согласен: когда говорят, что иерархи и священники, не принявшие Декларацию, поплатились за это жизнью, происходит чрезмерное упрощение и стилизация реальной картины. На самом деле связь далеко не всегда была столь однозначной. Не стоит забывать, что даже из тех семи архиереев, которые в 1927 г. подписали вместе с митр. Сергием Декларацию, двое были впоследствии казнены (Константин Дьяков и Серафим Александров), один умер в ссылке (Анатолий Грисюк), еще один — вскоре после освобождения из лагеря (Филипп Гумилевский). Последний, судя по всему, еще в 1930 г. отказался от "солидарности с митр. Сергием", после чего и получил 10 лет лишения свободы. Но все же из многих свидетельств явствует, что

был период, когда ответ на вопрос об отношении к Декларации мог определять выбор судьбы: тюрьма или свобода, жизнь или смерть. Сошлемся здесь хотя бы на письмо еп. Дамаскина Цедрика митр. Сергию (начало 1929 г.): "Знаменательно, что первым вопросом, заданным мне приехавшим в Полой агентом ГПУ, был: "Как вы относитесь к декларации митрополита Сергия?" Или еще: достоверно известно, что еп. Василия Преображенского в 1931 г. принуждали к признанию Декларации, обещая в обмен освобождение из тюрьмы. Он отказался — и был подвергнут пыткам.

Наибольшее недоумение вызвала у меня последняя фраза статьи, где говорится о епископах-мучениках, "пострадавших за веру, а не за неприятие советской власти: солидарность с митр. Сергием обеляет исповедников от всякой тени политической вины". Я не уверен, что эти слова адекватно передают мысль автора, но они создают впечатление, будто не солидарные с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя пострадали — таки не за веру, а по своей политической вине. Знакомство же с документами и свидетельствами убеждает: мотивом отвержения Декларации были не какие-то внеположные вере политические страсти, но христианская преданность правде Божией и достоинству Церкви. Ибо "если Церковь присоединяется к надругательству над правдой, что ей делать в этом мире?" — как писал в те годы Г. П. Федотов ("Вестник РСХД" № 2, 1931).

Наконец, если и представить себе, что некая часть оппозиционеров была все же движима именно политическими соображениями, "неприятием советской власти", то можем ли мы сегодня говорить, что это очерняет тех, кто стал жертвами террора этой самой власти? А если не можем, то что значат слова об обеляющей солидарности с митр. Сергием? Еще раз хочется выразить надежду, что автор тут неудачно выразил свою мысль или чего-то недодумал.

Ну, а фактические неточности, вкравшиеся в статью Н. А. Струве, еще раз указывают на давно назревшую необходимость критического издания свода основных

источников по русской церковной истории послереволюционного периода с кратким и беспристрастным научным комментарием источниковедческого характера. Непозволительно откладывать это дело до празднования следующего тысячелетия Крещения Руси.

Москва, октябрь 1988 г.

РЕПЛИКА

Благодарю Н. Балашова за ценные дополнения и исправления к моему этюду об отношении соловецких епископов к декларации 1927 г. и вообще к церковно-политическому курсу, принятому под давлением обстоятельств митр. Сергием. Наша общая беда в том, что мы располагаем пока что всего лишь двумя источниками по этому вопросу: книгой прот. М. Польского и диссертацией архим. (ныне епископа) Иоанна Снычёва, основанной на архиве и на воспоминаниях митр. Мануила Лемешевского. Оба источника страдают несомненной предвзятостью, первый — склонен рассматривать "сергианство" как своего рода апостазия, отпадение от Церкви, второй — не подвергает ни малейшей критике политику местоблюстителя, считая ее единственно возможной и абсолютно правильной.

Цель моей заметки заключалась в том, чтобы разбить упрощенное представление о том, что в конце 20-х годов и в начале 30-х существовало как бы две церкви: одна исповедническая (ошибочно отождествляемая с группой иерархов, находившихся на Соловках), — вторая — соглашательская и своекорыстная под омофором митр. Сергия. Такое представление, довольно широко распространенное и недавно с особым догматизмом поддержанное Зоей Крахмальниковой, не соответствует действительности.

Вынужденная декларация митр. Сергия 1927 г.¹ несомненно ранила все сколько-нибудь чуткие совести в церкви, поскольку в ней "лояльность" по отношению к государству принимала характер некой неопределенной солидарности с

¹ Об истинном направлении мыслей митр. Сергия можно судить по его первой декларации 1926 г., сходной с соловецкой, и по его частному письму зарубежным собратям, которым он советовал в эмиграции подчиняться местным православным церквям, а в странах, где таковых не имеется, устраиваться на началах автономии, если не автокефалии.